

ПРОБЛЕМА ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель данной статьи – проанализировать понятие гибридной войны в современной геополитике. На этой основе исследовать ее природу и сущность в теоретическом и социально-политическом плане в контексте теорий деятельности и информационного общества.

В современной геополитике и политологии активно дискутируется проблематика гибридной (информационной, нелинейной и т.д.) войны. В многочисленных работах прослежена история понятия гибридной войны, как в западной, так и в русскоязычной литературе, дано множество ее определений. При этом одни авторы считают, что гибридная война является инновационным прорывом и новой формой военно-политической стратегии и тактики, другие полагают, что это понятие ничего нового в себе не содержит и просто является модным, но пустым и бессодержательным по своей сути.

На наш взгляд, в большинстве случаев, исследования и определения понятия гибридной войны носят узкий историко-описательный (военно-исторический) и эмпирический характер. Таким образом, вышеуказанная проблематика нуждается в более широком философско-культурологическом осмыслении.

В соответствии с этим, цель нашей статьи проанализировать имеющиеся подходы и определения. На этой основе попытаться дать целостную теоретическую интерпретацию понятия гибридной войны. Рассмотрим различные точки зрения подробнее

В русскоязычной литературе наиболее основательно история и сравнительный анализ понятия гибридной войны изложены в работах Арзуманяна Р.В., Першина Ю.Ю., Панарина И.Н. и др. [1, 6, 7]

Отцами-основателями теории гибридной войны были американцы Д. Мэттис и Ф. Хоффман. Они вывели ее необходимость из различных новых мировых угроз и, прежде всего, террористической [9].

Следует заметить, что на самом деле ее праотцом был российский военный теоретик Евгений Месснер. Еще в 1960 году он предвосхитил эту концепцию. В 2005 году в военном сборнике, в серии «Военная культура Русского зарубежья» его труд был издан в России. Месснер, в частности, писал: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. Воевать будут не на двухмерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было во времена зарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением...»; «Воевание повстанцами, диверсантами, террористами, саботажниками, пропагандистами примет в будущем огромные размеры...» [5, С. 130]

По мнению многих авторов, гибридная война это не новый, но актуальный вид войны, которая ведётся не только и не столько пушками и танками, сколько силами политической пропаганды, террора, дезинформации и экономического давления на противника. Гибридная война включает в себя всевозможные санкции, подрывную деятельность спецслужб и различные технологии манипулирования населением на территории противника. Известная интерпретация понятия гибридной войны дана в ежегодном лондонском издании Международного института стратегических исследований *Military Balance*, 2015 год: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением».

Другие исследователи включают в гибридную войну и ее формы - сетевую, информационную, культурную и т.п. Так, например, культурная война – это война за души, «это система действий, направленная на слом или фундаментальную замену духовных ценностей, образцов и норм, определяющих внутренние установки личности или целого народа». [3, С. 7]

К элементам или формам гибридной войны относятся западные технологии бархатных революций, арабской весны и т. д. Яркий пример – «мятежвойна», привнесенная в Ливию. Использование наемников, постановочные телесюжеты – в итоге, несмотря на материальное процветание и высокий уровень жизни ливийцев при Муаммаре Каддафи, уничтожение экономики страны и превращение ее в поле непрерывных межэтнических военных конфликтов.

Другой пример – разрушительная террористическая деятельность ИГИЛ (запрещенной в России) в странах Ближнего востока и во всем мире. Ее характеризуют ужасающие видеоролики массовой казни, демонстративное разрушение памятников мировой культуры. В определенном смысле, это именно культурная война или война культур.

Некоторые авторы утверждают, что информационные войны велись и ведутся в фашистских (гитлеровская Германия) и авторитарных (Зимбабве, КНДР) государствах, в том числе против собственного населения.

Как видим, понятие гибридной войны в современной литературе чрезвычайно популярно и актуально. Однако его определения и содержание слишком широки и неопределенны. Констатируя это, некоторые ученые полагают, что эта концепция надумана и является сознательным мифом-вирусом Запада с целью ввести в заблуждение военных теоретиков и политологов России и других стран. Они приводят примеры гибридности в войнах А. Македонского, в Троянской войне и т.д.

Так, Ю.Ю. Першин утверждает: «при ближайшем рассмотрении этой теории, расширенной ее последователями до максимальных размеров, становится очевидно, что ничего нового в этой теории и понятии гибридной войны нет. Любая война, вследствие обязательных попыток применения воюющими сторонами всех имеющихся в их распоряжении сил, средств и способов ведения боевых действий, обязательно является гибридной. Это свойство любой войны». [7, С. 83] Аналогично рассуждает Р.В. Арзуманян: «Гибридность, как и асимметрия или нелинейность, не является чем-то исключительным в стратегической истории, но типичным свойством явления как такового. Гибридность разлита везде, что делает сложным создание концепции, которая была бы аналитически полезной» [1, С. 250]

Далеко не все солидарны с подобной точкой зрения. Так, политолог П.А. Цыганков полагает, что «преобладающей стала точка зрения, авторы которой считают, что гибридные войны – это совершенно новое явление», они «становятся реальностью, которую трудно отрицать и которая актуализирует потребность изучения их сути и возможностей противодействия им в отстаивании национальных интересов Российской Федерации». [8; С.42]

Аналогично А. Бартош, член-корреспондент Академии военных наук и эксперт Лиги военных дипломатов, считает, что российским специалистам следует более внимательно изучить основные направления новой революции в военном деле. [2, С. 27]

На наш взгляд, теория гибридной войны адекватна современным реалиям и имеет право на существование. Она порождена мировой террористической угрозой (ранее не существовавшей в таком качестве), отражает новые информационно-технологические возможности нашего времени в социально-психологической, политической и военной деятельности. Она тесно связана с формированием единого виртуального мира (единого медиапространства), глобализацией и противоборством государств и цивилизаций в этой новой складывающейся реальности. Гибридная война – это война, но это новая по своему содержанию (масштабам), предмету, цели война. Соответственно, она новая, прежде всего, по способу ее ведения. Это означает, что может в себя включать все как известные, так и потенциально возможные методы противоборства.

Военная деятельность, в том числе и гибридная, является конкретной формой проявления человеческой деятельности вообще.

В общетеоретическом плане, деятельность человека в целом, и в своей имманентной сущности является именно «гибридной». Деятельность осознанна, целесообразна. Реальному предметному действию обязательно предшествует ее ментальный прообраз – идеальный план действий. В этом контексте ее гибридность, прежде всего, заключается в том, что она всегда является непрерывным процессом «гибридизации» - синтеза интеллектуальной теоретической и предметно-практической деятельности в его бытии. Она гибридна также и в том аспекте, что все виды конкретной деятельности аналогичны, тесно взаимосвязаны и «перетекают» друг в друга. Пластичная универсальность любого конкретного

вида деятельности, социальной жизни в целом прекрасно иллюстрируется шахматной игрой – которая, в сущности, является идеальным символическим отражением-моделью человеческой жизни – борьбы вообще.

Более того, интуитивно найденный в геополитической литературе, предикат – «гибридная», точно передает суть противоборств (войны) в современном мире. Дело в том, что мы живем, вступаем в « дивный новый мир» (О. Хаксли), в ранее не существовавшей гибридной исторической реальности. Если в предшествующей истории человек жил в одной единственной реальности – реальности своего бытия, то сегодня он втянут в еще одну параллельную – виртуальную реальность. Эта последняя, в виде СМИ, интернет-пространства и т.п., непрерывно сопровождает, наполняет и управляет жизнедеятельностью современного человека. В этом плане, социальная деятельность человека является смесью реального и виртуального в его бытии, т.е. гибридной реальностью в буквальном смысле этого слова.

Анализ вышеизложенного приводит к следующему заключению: точка зрения, отрицающая научность понятия и теории гибридной войны недостаточна обоснована. Она является следствием традиционно описательного – архаичного военно-исторического подхода к новой проблематике.

В контексте более широкого – философско-исторического, культурологического подхода гибридная война и как феномен, и как понятие научно-содержательны и имеют большой аналитический потенциал.

Таким образом, все вышесказанное не отрицает возможности рассматривать гибридную войну как реальный и остроактуальный геополитический феномен 21 века. Он отражает новые социальные и политические возможности бурно развивающейся информационной революции в современном мире, в том числе, в социальной, политической и военной сферах. В формирующемся гибридном мире война (противоборство) не может быть не гибридной.

Список литературы

1. Арзуманян Р. В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. М.: АНО ЦСОиП, 2015. – 334 с.
2. Бартош А.А. Модель управляемого хаоса в культурно – мировоззренческой сфере. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – вып. 39. – С. 9–27.
3. Волочкова М. Культурная война и ее участники // Суть времени. – №1. – 2012.
4. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 381 с.
5. Месснер Е.Э. Всемирная мятежвойна. – М.: Кучково поле, 2004. – 512 с.
6. Панарин И.Н. Гибридная война против России, 1816–2016 гг. – М.: Горячая Линия Телеком, 2016. – 221 с.

7. Першин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне» // [Электронный ресурс]: Вопросы безопасности. – 2016. – №4. – С. 63–85 http://e-notabene.ru/nb/article_19510.html (дата обращения – 17 мая 2017 г.).

8. Цыганков П.А. «Гибридные войны»: Понятие, интерпретации и реальность // «Гибридные Войны» в хаотизирующемся мире XXI века (под ред. П.А. Цыганкова). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – С. 32–42

9. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.